

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.10.27>

Вязинкин Алексей Юрьевич

ТИПЫ "БУНТУЮЩЕГО ЧЕЛОВЕКА" В ТЕОРИИ БОРЬБЫ ЗА ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ Н. К. МИХАЙЛОВСКОГО

В статье анализируется разработка проблемы исторических типов "бунтующего человека" в идейном наследии русского социолога, публициста, мыслителя-народника Н. К. Михайловского (1842-1904). Возникновение в творчестве мыслителя этой темы, проясняющей философско-антропологическое содержание его мировоззрения, стало логическим продолжением этически и антропологически обоснованной теории борьбы за индивидуальность, в которой русский народник заложил основы для концепции суверенной личности. Исторические типы "бунтующего человека", представленные в творчестве Михайловского - "вольница" и "подвижники", - рассматриваются как универсальные. Привлекается художественно-философское творчество немецкого писателя и эссеиста Эрнста Юнгера (1895-1998), чтобы провести параллели между историческими типами "бунтующего человека" в теории борьбы за индивидуальность Михайловского и формами "бунта" в эпоху модерна и постистории.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2019/10/27.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 10. С. 143-146. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2019/10/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

История философии

History of Philosophy

УДК 1(091)

Дата поступления рукописи: 04.08.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.10.27>

В статье анализируется разработка проблемы исторических типов «бунтующего человека» в идейном наследии русского социолога, публициста, мыслителя-народника Н. К. Михайловского (1842-1904). Возникновение в творчестве мыслителя этой темы, проясняющей философско-антропологическое содержание его мировоззрения, стало логическим продолжением этически и антропологически обоснованной теории борьбы за индивидуальность, в которой русский народник заложил основы для концепции суверенной личности. Исторические типы «бунтующего человека», представленные в творчестве Михайловского – «вольница» и «подвижники», – рассматриваются как универсальные. Привлекается художественно-философское творчество немецкого писателя и эссеиста Эрнста Юнгера (1895-1998), чтобы провести параллели между историческими типами «бунтующего человека» в теории борьбы за индивидуальность Михайловского и формами «бунта» в эпоху модерна и постистории.

Ключевые слова и фразы: Н. К. Михайловский; «бунтующий человек»; суверенная личность; «борьба за индивидуальность»; русское народничество; социальная философия; философская антропология; историческая антропология.

Вязинкин Алексей Юрьевич, к. филос. н.

Тамбовский государственный технический университет
vyazinkin@yandex.ru

ТИПЫ «БУНТУЮЩЕГО ЧЕЛОВЕКА» В ТЕОРИИ БОРЬБЫ ЗА ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ Н. К. МИХАЙЛОВСКОГО

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-011-00465 «Проблема суверенной личности в философии русского народничества».

Идейное наследие русского народничества, особенно в его социально-философском и философско-антропологическом аспектах, содержит множеством тем, требующих историко-философского исследования. К числу подобных тем относится и проблема типов «бунтующего человека», разработанная в ряде трудов выдающимся мыслителем-народником Николаем Константиновичем Михайловским (1842-1904). Содержание этой проблемы находится на стыке исторической и философской антропологии. **Цель** нашего исследования – изучить содержание проблемы типов «бунтующего человека» в теории борьбы за индивидуальность Михайловского. В отечественном *михайловсковедении* эта проблема еще не рассматривалась в контексте философско-антропологического содержания мировоззрения мыслителя и современных концепций суверенной личности. В философско-антропологическом ракурсе изучения проблемы и состоит **научная новизна** нашего исследования. Для современной России проблема эволюционного развития общества при сохранении суверенных прав личности представляет особую **актуальность**. В связи с этим обращение историков русской философии к гуманистическим идеалам отечественной мысли XIX в. является весьма своевременным и жизненно важным.

Теорию освобождения человека как ключевую парадигму гуманистической традиции русской философии с проблемой суверенной личности Михайловский связал посредством разработки теории борьбы за индивидуальность и типов «бунтующего человека».

В историографии вопроса теория борьбы за индивидуальность Михайловского нередко воспринимается как этап в формировании мировоззрения мыслителя, как разработка концепции критериев и формулы общественного прогресса, как социологическая или историко-социологическая теория. В результате антропологическое измерение оригинальной и сложносочиненной теории мыслителя-народника смещается на второй план. Теория борьбы за индивидуальность, на наш взгляд, составляет философское ядро мировоззрения Михайловского. Используя основы этой теории, мыслитель впоследствии разрабатывал исторические типы «бунтующего человека», антропологический идеал, теорию «героев и толпы» и т.д.

Возникновение и разработку теории борьбы за индивидуальность следует рассматривать как попытку русского мыслителя представить этически и антропологически обоснованную альтернативу «борьбе за существование» дарвинизма и «классовой борьбе» марксизма. Ключевые положения теории борьбы за индивидуальность были представлены Михайловским как переосмысление тектологических тезисов немецкого естествоиспытателя и философа Э. Геккеля (1834-1919). Тектология Геккеля содержала изложение закона организации живых существ, основанного на принципе иерархии «индивидуальностей». «Индивидуальность» более высокого уровня старается поглотить или подчинить низшую «индивидуальность». В отношении человека и общества первый рассматривался как низшая «индивидуальность» по отношению ко второму. На этом уровне иерархии «индивидуальностей» Михайловский установил предел тектологического закона. С точки зрения мыслителя, личность представляет собой более ценную «индивидуальность», чем общество. Поэтому рационально и справедливо все то, что способствует борьбе за индивидуальность человека против общества, стремящегося подчинить себе личность, превратить ее в свой «монофункциональный орган».

Михайловский предложил свою стратегию «борьбы за индивидуальность». Целостность личности, ее автономия зависят от степени развитости, от возможно более широкой «формулы жизни» человека. Расширение жизненных горизонтов, которое понималось мыслителем как равнозначное «личному счастью» человека, возможно посредством его нравственного самосовершенствования и накопления «сочувственного опыта», что означает, что контакты человека и общества в контексте теории борьбы за индивидуальность рассматривались Михайловским не как «война всех против всех», а как возможность взаимовыгодного нравственного обогащения личностей.

Мы полагаем, что теорию борьбы за индивидуальность Михайловского следует рассматривать как тонко разработанную стратегию самоосвобождения человека в опыте повседневной жизни. Разумеется, эту теорию можно назвать и «формулой прогресса», но не общества, а личности. Разработка темы «борьбы за индивидуальность» стала интеллектуальной предпосылкой для позднейшего проекта мыслителя – «философии быта», которому так и не суждено было ни реализоваться, ни даже быть более или менее четко сформулированным. Реализация этого проекта, будь она осуществлена мыслителем, могла бы прояснить решение проблемы суверенной личности в контексте антропологии повседневной жизни. Так или иначе, теория борьбы за индивидуальность составила основу философско-антропологических идей Михайловского.

Дополнением к обширной статье «Борьба за индивидуальность» стали работы мыслителя об историко-антропологических типах «бунтующего человека» – «вольницы» и «подвижниках».

С точки зрения русского народника, философа-анархиста М. А. Бакунина, бунт является одной из имманентных констант человеческой жизни: «Три элемента, или, если угодно, три основных принципа составляют существенные условия всякого человеческого развития в истории, как индивидуального, так и коллективного: 1) человеческая животность, 2) мысль и 3) бунт. Первой соответствует собственно социальная и частная экономия, второму – наука; третьему – свобода» [1, с. 147]. Причем понятие «бунта» гораздо шире понятия «социальной революции». Бунт, по Бакунину, – это внутренняя, едва ли не экзистенциальная, стратегия тотального (социального, политического, нравственного, духовного) самоосвобождения человека.

Незамысловатую, но философски точную формулировку типу «бунтующего человека» дал французский философ А. Камю: «Что же представляет собой человек бунтующий? Это человек, говорящий “нет”» [4, с. 127]. Так же понимал эту проблему и Михайловский. Русский мыслитель признавал «закон развития», тотальную «борьбу за индивидуальность», но когда она затрагивала его личность, тогда он противопоставлял себя этому «закону», «бунтовал» против него: «Я ставлю nicht к теории борьбы за индивидуальность, как раз на том месте, где она захватывает меня» [9, с. 423].

Не будучи революционером в практической жизни, Михайловский поддерживал радикальные настроения народников, их революционные действия, признавая, что экспансия личности всегда сопряжена с борьбой (личной, социальной, политической): «...великий человек должен быть в значительной степени чужим окружающей среде. Людское величие состоит именно в той борьбе, которую человеку приходится вынести на своих плечах» [11, с. 103].

Опираясь на исторический материал, Михайловский выделил два антропологических типа «бунтующего человека» – «вольница» и «подвижники». Мыслитель так представлял историческую картину социальной напряженности, порождающую эти типы: «Сильные ненавистью к настоящему, они верят, что конец ему наступит скоро. И вот их песни и пророчества поднимают бурные исторические волны: то идут добывать правду подвижники и вольница» [9, с. 648]. Их восстание нравственно оправдывалось Михайловским, поскольку «бунтовщики» осуществляют поиск «правды». Неприязнь к настоящему объединяет «вольницу» и «подвижников». В бунте этих типов борьба за индивидуальность между человеком и обществом достигает критической точки. Протест бунтарей «подвижников» и «вольницы» – это личное, социальное, политическое «нет»: «И те, и другие порывают всякие связи с обществом... это – отщепенцы, протестанты» [7, с. 596].

Бунт «вольницы» отличается от бунта «подвижников». Для «вольницы» характерно «требование всего» [10, с. 744]. Бунт «вольницы» – это активный протест, который всегда сопровождается попыткой завоевания социальных и политических прав, это революционная борьба с общественно-политической действительностью, существующей на несправедливых основаниях. Еще в очерках «С того берега» А. И. Герцен (1812-1870) писал о деятельных, революционных натурах, влияющих на ход истории, творящих ее: «...нам так же естественно делать историю, как пчеле мед, что это не плод размышлений, а внутренняя потребность духа человеческого» [3, с. 67].

Нередко бунт «вольницы» утрачивает индивидуальные черты, становится массовым. В этом, на наш взгляд, кроется ответ на вопрос, почему этот тип Михайловский не мог признать идеальным, несмотря на его ярко-выраженное деятельное начало.

Тип «подвижников», по Михайловскому, представляет пассивный бунт, ему свойственно «отречение от всего» [10, с. 744]. Бунт «подвижников» – личный, нередко глубоко-интимный и интеллектуальный протест против современности. Бунт «подвижников» во многом напоминает тот вид борьбы, к которому призывал Герцен: «Я не советую браниться с миром, а начать независимую, самобытную жизнь, которая могла бы найти в себе самой спасение даже тогда, когда весь мир, нас окружающий, погиб бы» [3, с. 131]. Бунт «подвижников» – это отрицание неприемлемой социальной, политической действительности и утверждение своей личности в пространстве обновленной жизни. «Из общества, которое не дало им ничего кроме муки, – писал Михайловский, – подвижники уходят в леса и пустыни» [7, с. 597]. Лес и пустыня – метафорические анархистские ландшафты, символизирующие неосвоенные пространства свободы.

В народнической традиции типу «подвижников» соответствовал, например, опыт интеллигентских земледельческих колоний. Ближайший друг Михайловского, публицист народнического направления С. Н. Кривенко писал об этом опыте интеллигента-опрошенца: «...ушел, как зверь, отдыхать в одиночную лесную чашу» [6, с. 7].

Хотя стратегии «борьбы за индивидуальность» у этих типов различны, они все же имеют один источник – неудовлетворенность действительностью. А кроме того, Михайловский отмечал, что «личная нравственность и общественный идеал сопрягаются для них неразрывно и требуют единовременной выработки» [10, с. 743].

Стратегии самоосвобождения «вольницы» и «подвижников» в известной мере соответствовали формуле «борьбы за индивидуальность» мыслителя. «Или надо расширить свой жизненный бюджет до возможных пределов, – писал Михайловский, – причем недостающее придется взять силой, или, напротив, надо этот жизненный бюджет сократить до последней возможности, бежать соблазнов мира» [Там же, с. 752]. Эта мысль народника является лучшей иллюстрацией взаимосвязи теории борьбы за индивидуальность и проблемы поиска и определения антропологического идеала.

Отдельно следует отметить, что идеалы Михайловского, как социальный, так и антропологический, хотя и приобретали в его работах преобладающие обертоны, тем не менее не были продуктом философского пассажа. Анализируя эту сторону антропологических исканий Михайловского, Э. С. Виленская писала о том, что бунт этих типов идеализирует прошлое: «...народные массы способны к пассивному и активному протесту, но этот протест стихийен, неуправляем (т.е. не может быть вызван в любой момент), и правдоискательство народа направлено не к новым формам общественных организаций, а к “золотому веку” старины» [2, с. 152]. Исследователь, вероятно, брала за отправную точку своего тезиса следующие слова мыслителя: «В большинстве случаев вольница становится под знамя и борется во имя старины – той старины, которая еще не знала несоответствия силы потребности с условиями ее удовлетворения» [7, с. 596]. Однако тезис Э. С. Виленской не учитывает внутреннего единства авторской концепции историко-антропологических типов и философско-исторического содержания мировоззрения Михайловского. Бунт «вольницы» и «подвижников», их формулы «борьбы за индивидуальность» мыслитель рассматривал как сражение за должное будущее. Они «напряженно всматриваются в будущее, – писал Михайловский, – и в нем ищут возможности водворить правду на земле. Сильные ненавистью к настоящему, они верят, что конец ему наступит скоро» [Там же, с. 648]. Этим будущим, полагал мыслитель, должен был стать новый этап в развитии человеческой истории – субъективно-антропоцентрический, на котором человек возвращается в центр мира как существо нравственное.

История XX в. показала универсальность той историко-антропологической типологии «бунтующего человека», которую предложил в своих работах Михайловский. Прошое столетие изобиловало вспышками революций, как в первой, так и во второй половине века. Они были различными и по содержанию требований, и по форме организации, и по последствиям, но все, так или иначе, удовлетворяли историко-антропологическому описанию бунта «вольницы». Тип «подвижника» также нашел формы для своего воплощения: от опыта «внутренней эмиграции» до современной практики дауншифтинга.

Выдающийся немецкий мыслитель, писатель и эссеист Эрнст Юнгер (1895-1998) предпринял попытку связать образы «бунтующего человека» с проблемой суверенной личности в культурной ситуации позднего модерна. В художественно-философских произведениях «Стеклянные пчелы» (1957) и «Эвмесвиль» (1977) нашли свое отражение опасения немецкого мыслителя в связи с совершенствованием технологий и развитием цивилизации от модерна по направлению к постистории [5, с. 138-139].

В «Стеклянных пчелах» Юнгер подверг исследованию положение типа «единоличника-отщепенца с пораженческими склонностями» [12, с. 86]. Таким образом, эта фигура воплощала личность, склонную к автономии и независимости, сознательно оторвавшуюся от общества. Этот тип, «пораженец модерна», скептически и с опаской относится к ценностям мира новейших технологий, теснящих жизненное пространство человека. Юнгер писал: «Человеческое совершенство и технический идеал несовместимы. Если мы стремимся к одному, то приносим в жертву второе» [Там же, с. 157]. За несколько десятилетий до немецкого автора Михайловский уже предвидел это глубокое цивилизационное противоречие и без оптимизма смотрел на перспективы развития индустриального общества. Безальтернативное господство капитала, сопровождающее индустриальное развитие общества, подразумевало все то, что противоречило общественному идеалу русского мыслителя: растущую социальную дифференциацию, усложнение форм кооперации, конкуренцию вместо сотрудничества, торжество утилитаризма, атомистическую индивидуализацию, культ денег и т.п. Согласно

Михайловскому, в капиталистическом обществе человек утрачивает свою личностную уникальность, служит ложному идеалу «национального богатства», превращается в придаток промышленного развития.

Юнгер считал, что развитие технологий вредит целостности личности, уничтожает ее суверенность. Идеальные механизмы «покушаются на нашу целостность, безопасность, симметричность» [Там же, с. 158], – писал немецкий мыслитель. Независимый человек, считал Михайловский, – это, прежде всего, целостная (интегральная) личность, свободно управляющая своими мыслями, аффектами, действиями. Антропологические идеалы Михайловского и позднего Юнгера весьма близки. Для русского мыслителя целостность личности, ее подчиненность собственной воле и разуму также означали необходимое условие ее высокого нравственного развития, ее суверенности: «В этой деспотической централизации лежит залог здоровья, счастья, нравственной высоты личности. Наоборот, болезнь и нравственное падение объективно выражаются децентрализацией нашего я, распадением индивидуальности» [8, с. 358].

В позднем произведении «Эвмесвиль» Юнгер представил фигуру Анарха, эвфемистический тип, сочетающий в себе черты «подвижника» и идеала суверенной личности в эпоху постистории. Анарх «может выйти в любой момент... из любой системы требований, которые предъявляют ему государство, общество, церковь, а также – из существования» [13, с. 206], он «борется в одиночку... далек от мысли жертвовать собой для того, чтобы одно несовершенство пришло на смену другому» [Там же, с. 181].

На примере теоретических положений Юнгера обнажается актуальность идей Михайловского в вопросах проблемы освобождения человека и концепции суверенной личности. Следует признать, что опасения русского мыслителя в связи с развитием индустриального общества сохранили свою насущность и социальную остроту и в постиндустриальном мире. Однако Михайловский не удовлетворился типами «бунтующего человека». Внутренне сочувствуя идеалам и надеждам «бунтовщиков», мыслитель, тем не менее, понимал, что наиболее желательной является эволюционная модель развития общества. Социально-исторический анализ темы антропологических типов «бунтующего человека» стал важным этапом в развитии мировоззрения Михайловского и сыграл существенную роль в процессе разработки мыслителем проблемы антропологического идеала.

Список источников

1. Бакунин М. А. Избранные сочинения: в 5-ти т. Пг. – М.: Голос труда, 1919. Т. 2. 295 с.
2. Виленская Э. С. Н. К. Михайловский и его идейная роль в народническом движении 70-х – начала 80-х годов XIX в. М.: Наука, 1979. 303 с.
3. Герцен А. И. Собрание сочинений: в 30-ти т. М.: Наука, 1955. Т. 6. 549 с.
4. Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М.: Политиздат, 1990. 415 с.
5. Козловски П. Миф о модерне: поэтическая философия Эрнста Юнгера. М.: Республика, 2002. 239 с.
6. Кривенко С. Н. На распутье (культурные скиты и культурные одиночки). М.: Изд. С. Дороватовского и А. Чарушниковой, 1901. 339 с.
7. Михайловский Н. К. Сочинения: в 6-ти т. СПб.: Русское богатство, 1906. Т. 1. 990 с.
8. Михайловский Н. К. Сочинения: в 6-ти т. СПб.: Русское богатство, 1896. Т. 2. 886 с.
9. Михайловский Н. К. Сочинения: в 6-ти т. СПб.: Русское богатство, 1896. Т. 3. 904 с.
10. Михайловский Н. К. Сочинения: в 6-ти т. СПб.: Русское богатство, 1896. Т. 4. 1020 с.
11. Михайловский Н. К. Сочинения: в 6-ти т. СПб.: Русское богатство, 1897. Т. 6. 1046 с.
12. Юнгер Э. Стекланные пчелы. М.: АСТ, 2019. 224 с.
13. Юнгер Э. Эвмесвиль. М.: Ад Маргинем Пресс, 2013. 640 с.

“REBELLIOUS HUMAN” IN N. K. MIKHAYLOVSKY’S THEORY OF STRUGGLE FOR INDIVIDUALITY

Vyazinkin Aleksei Yur'evich, Ph. D. in Philosophy
Tambov State Technical University
vyazinkin@yandex.ru

The article considers the conception of the historical types of a “rebellious human” in the ideological heritage of the Russian sociologist, publicist, Narodnik movement ideologist N. K. Mikhaylovsky (1842-1904). His concern for this issue, which affects the philosophical and anthropological content of his worldview, fits well into the ethically and anthropologically justified theory of struggle for individuality, in which the Russian Narodnik laid foundations for the conception of a sovereign personality. The historical types of a “rebellious human” represented in Mikhaylovsky’s works – “outlaws” and “devotees” – are considered as universal. Applying to the artistic and philosophical heritage of the German writer and essayist Ernst Jünger (1895-1998), the author draws parallels between the historical types of a “rebellious human” in Mikhaylovsky’s theory and the forms of rebellion in the epoch of modernity and post-history.

Key words and phrases: N. K. Mikhaylovsky; “rebellious human”; sovereign personality; struggle for individuality; Russian Narodnik movement; social philosophy; philosophical anthropology; historical anthropology.